

Михайло Козарич

Уж как на роді Михайла испортили:
Как отець-мати Михайла незанавидели,
Уж как род-племя да не в любви его дёржят —
Его отдали бабушки-задворёнки.
Уж как растила тут бабушка его задворёнка,
Она корьмила кусоцьками прошоныма,
Она поила молоком его козловеньким.
Как по етому-ту молоку козловому
Уж как прбзвали Михайла Козарицём.
Как повырос Михайло да до семнадцать полных лет.
Говорит-то ему бабушка-задворёнка:
«Уж ты ой еси, Михайло постылый сын,
Ты пойди-ко-се, Михайло, да на конюшин двор,
Выбирай-ко... ко себе коня ежжалого,
Ты ежжалого коня себе, стоялого.
Не того бери, у которого да сниз, низ повети стои<т> хвост, —
Ты того бери, у которого да сверх повети его нос.
Зауздай-ко его, его да золотым седлом,
Золотым-то седлом да серебряной уздой,
Поезжай-ко, Михайло, да в чистое во полё
Ты стрелять в гусей да серых уточёк —
Достреляйсе до белой да до лебедушки!»
Тут пошел-то наш Михайло да на конюшиной двор,
Зауздав себе да коня ежжалого.
Только видели, как Михайло да на коня-то сел,
А не видали поездки Михайловой.
Вот уж едёт Михайло день поры,
Уж как едёт Михайло второй поры,
Не пиваюци он едёт, да не едаюци,
Он добру коню отдóху да не даваюци.
Как завидел Михайло: да сырой дуб стóбит.
На сыром-то дубу да чёрной ворон сидит,
Уж как чёрн-от ведь ворóн, да птица вещая.
Натягаёт Михайло да свой могучей лук,
Направляёт Михайло да каленú стрелу.

Заговорил тут черной ворон да свом голосом,
Уж как голосом-то он да человеческим:
«Уж ты ой еси, Михайло, постылый сын,
Не стреляй-ко ты да в меня, чёрна ворона,
Как тебе моёго-то ведь мяса не исть будёт,
Как моей-то крови не пити будёт,
Тебе силы со мной да не спроведати,
Уж как силы своей да богатырьскою.
Поезжай-ко, Михайло, да во чистое во полё.
Во чистом-то поли да там есть буйство стоит:
Там ведь бьютце-дерутце да три татарина,
Промеждú они да с собой дел делят,
Они дел-то делят — да красну девíцу-душú.
Она пó роду-то тебе будёт родна сёстра!»
Как скочíл-то Михайло да на добра коня,
Он поехал, Михайло, да во чистое во полё.
Вот и едёт Михайло день поры,
Уж как едёт Михайло другóй поры —
Как завидел Михайло да бел полóтенной шатер.
Как во том-то во шатри да красна девица сидит,
Они плакуци сидит и да рыдаючи,
Ко сырой-то земли да припадаючи.
А как за тем-то за шатром да там и буйство стоит:
Уж как бьютце-дерутце да три татарина.
Как перв-ót ей татарин да девку улещал:
«Уж ты плачь, хошь не плачь, да красна девица душа,
Уж как ты-то только да мне достанешьсе —
Я возьму-то тебя да за племянника взамúж,
Будешь ключница да ты у нас замочница,
Золотой-то казны да будёшь счетчица!»
Как друг-от-то татарин да девку улещал:
«Уж ты плачь да не плачь, да красна девица душа,
Уж как ты тóлько да мне достанешьсе —
Я возьму-то тебя да за сына взамúж,
Уж я поставлю тебя ко кровати да ко тесовою,
Буду секти тебя плеткою шелковою!»
Как треть-ёт-то татарин да девку улещал:
«Уж ты плачь, хошь не плачь, да красна девица душа,
Я возьму-то тебя да за себя взамúж,

Я срублю твою да буйну голову,
Розрублю я твое да тело белоё
Я на мелкия куски да на череньёвы,
Раскидаю его да по чистóму по полю.
Серым волкам-то да на потасканьё,
Черным воронáм-то да на пограяньё!..»
У Михайла-то очи да помутилисе,
Горюци те слезы да покатилисе.
Он ведь двух-то татаринов конем стоптал,
Он третьёго-то татарина да вострой саблей иссек.
Отрубил-то его да буйну голову,
Разрубил его да тело грязноё,
Разбросал-то он да по чистóму по полю
Серым волкам-то да на потасканиё,
Черным воронам да на пограениё.
Взял с собой-то он да красну девицу душú.
Как поехали они да там чистым полём.
Говорит-то ему да красна девица-душа:
«Уж ты ой еси, Михайло постылый сын,
Ты поставь-ко-се да бел полóтенной шатер,
Да с тобой-то нам да отдохнуть надо,
Покормить надо добра коня.
Уж ты ой еси, Михайло постылый сын,
Ты возьми-ко меня да за себя взамúж,
Я слугой тебе да буду верною,
Я женой тебе да неизменною!..» —
«Уж ты глúпа-преглúпа, да красна девица душа,
Уж ты глúпа-преглúпа да дочь Петровна хороша,
Ты ведь пó роду ты мне будёшь родна сёстра!..»
Уж как сели они да на добра коня,
Подъезжают ко дворú, да двору батюшкову.
Отец-маменька да на красном крыльце.
Они в пояс им да низко кланялись:
«Ты пожалуй-ко-се, Марфа Петровна,
Ты пожалуй к нам да во светлú грейну
К нам не хлеба-соли ись, а пивовару пить».
А Михайла-то они и не примолвили.
У Михайла-то очи да помутилисе,
Горюци ти слезы да покатилисе.

Снизу золото сорвал — да он во корманы склал.

У них еще был брат Иванушка, маленький. Его татары увезли. Мать просила, чтоб он поехал освободил Иванушку. Но он уже не захотел, не поехал: ему же обидно было. Татары злы были, детей таскали.

(Зап. М. Кузьминской, Л. Незванкиной 25 июля 1975 г.: пос. Каменка Мезенского р-на — от Рахманиной Евдокии Александровны, 73 лет. Записано с пения.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.